

В РЯД ЛИ вы забудете встречу с Сергеем Лазо, таким, каким сыграл его в одноименном фильме молодой литовский артист Регимантас Адомайтис. Артист повел свой психологический поиск очень вдумчиво. Он понял субстанцию характера, главный нравственный нерв своего героя. В то же время Р. Адомайтис нашел удивительно тонкие психологические детали. И юношеское лицо бесстрашного, негибкого рыцаря революции засветилось вдруг целомудрием, почти что нежностью. Артист прочитал в образе Сергея Лазо человечность.

Он погиб, как герой, как большевик. Рожденный, чтобы любить и быть любимым. Чтобы наслаждаться музыкой. Чтобы, может, занять место за учительской кафедрой и рассказывать детям про великую мудрость рода человеческого. И про то, что жизнь на земле должна быть прекрасной...

Он считал, что каждый человек должен хорошо делать свое, пусть даже маленькое дело.

— Эти слова Сергея Лазо стали моим жизненным принципом. Вообще работа над этой ролью очень дорога мне, важна для моей творческой биографии, — говорит Регимантас. — Она, в сущности, еще только начинается.

вы широкие познания, эрудиция, как для современного ученого — творческая интуиция, проникновение в самые сокровенные тайники искусства. К сожалению, часто это требование нарушается с той и с другой стороны. Среди моих коллег не многие всерьез интересуются развитием современной научной мысли. Как среди ученых, с которыми мне приходилось иметь дело, далеко не все проявляют интерес к миру прекрасного. До сих пор еще кое-кто считает, что искусство вообще не нужно современному «деловому» человеку, что оно знаменует вчерашний день цивилизации. С этим я не согласен. Человек, смело шагающий по космическим тропам, имеет весьма тонко организованную духовную конституцию. И мне положительно не нравятся утилитарно мыслящие люди.

Есть, конечно, и совсем иные представители мира науки. Вот доктор, профессор Юрас Пожела — директор Института полупроводников Литовской академии наук, руководивший моим дипломным проектом. Таких, мне кажется, будут ученые бу-

ков учат искусству скрывать свои чувства. Это там необходимо: вы дашь волнение по поводу лихорадки на бирже, и курс твоих акций падет! В обществе, где все построено на обмане, действительно надо уметь прятать свои чувства.

А зачем их прятать нам, одушевленным правдой больших идей, нам, в чьих помыслах и поступках все должно быть чисто и возвышенно! Я — за открытость чувств, за публицистичность искусства, за страстность. Думается, что и в этом — черта нового артистизма.

Третье. Убежден, что театр будущего, основы которого мы закладываем теперь, это театр реалистический, строгий и даже аскетический по постановочным средствам. Режиссер в нем будет полностью доверять актеру, актер — зрителю. Не надо ни вычурных «новаций», ни выпяченных котурнов.

— А не считаете ли вы, что кино, телевидение «потеснят» театр, заставят его как-то существенно видоизмениться применительно к новой технике зрелищных коммуникаций?

— Театр вечен. Потребность в театре проявлялась еще в далекой древности. И люди никогда не откажутся от него. Никакой экран — ни малый, ни широкоформатный — не заменит людям радости живого общения с живым искусством сцены. В этом я убежден. Конечно, форма сценического действия будет видоизменяться в соответствии с изменением культурного уровня, эстетической подготовки, с усложнением духовного мира зрителя. Но эти изменения видятся мне в русле строжайшей простоты формы. Театр грядущего будет ближе к гениальности, чем был когда бы то ни было. А гениальность всегда проста.

— Над чем вы работаете, Регимантас? О чем мечтаете?

— Мы репетируем в театре «Миндаугаса» Ю. Марцинкявичюса. Это — поэма-драма. Мне поручена роль Миндаугаса — литовского князя, сделавшего многое для объединения Литвы. Эта философская драма написана белым стихом. Иногда в авторе поэт побеждает драматурга, и тогда законы театра перестают «работать» на него. Драма посвящена вечной проблеме: общество и личность. Я должен буду показать Миндаугаса, который приносил в жертву высокой цели интересы текущей жизни. Какковы побудительные силы его характера? Показать это — очень сложная и увлекательная задача.

Мечты? Раньше я мечтал смелее — Ричард III, князь Мышкин. Квазимодо... С годами, с опытом я научился взвешивать свои силы, осторожнее мечтать. Но ясно одно: какую бы роль мне ни поручили, я буду вести дальше свой упорный поиск в душе человеческой. Хочу сыграть современника, кем бы он ни был — ученым или рыбаком, шофером или сталеваком.

У музыканта есть инструмент, на котором он играет, у живописца — палитра с красками и холст на подрамнике. У артиста — сердце. Он играет на его струнах. Это тончайший инструмент, совершеннейший, хоть и очень хрупкий. Только тот режиссер сумеет сыграть великолепную симфонию, который бережет сердце артиста, относится к нему с пониманием и полным доверием, но и высекает, одновременно, из него искры чувства. Я счастлив, что работаю именно с таким режиссером — Генрикасом Ванцявичюсом, художественным руководителем Литовского академического театра драмы.

Мне повезло в жизни: моим учителем в физике был ученый с душой художника. Мой режиссер — художник с душой мыслителя.

Беседу вела
Ольга МАКАРОВА.

ВИЛЬНЮС.

Р. Адомайтис в фильме «Сергей Лазо».

ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ И ФИЗИКА

стал инженером-физиком. В школьные годы я интересовался точными науками. Отец мой был инженером и не видел меня никем иным. О том, что сын его станет артистом, он и слышать не хотел.

Поступил на физмат. Учился добросовестно.

Но я не мог подавить влечения к сцене, не смог сладить с собой. И вот в один прекрасный день я понял, что сел не в свои сани. И пошел «пробоваться» в консерваторию. Приняли. Для родных я все-таки закончил университет. Для себя — стал артистом. Лыщу себя надеждой, что и для людей в этом качестве я гораздо полезнее.

— Физика и театр! Интересное сочетание. Скажите, Регимантас, помогает ли в вашей сценической деятельности знание техники, основ современной физики?

— Честно говоря, и да, и нет. Я убежден, что современный актер должен многое знать, знать жизнь во всей ее сложности, знать состояние современной мысли. Без этого трудно понять духовный мир сегодняшнего человека. Без этого невозможно сформулировать свое собственное идейное и творческое credo.

Современный человек необычайно сложен. В нем сочетаются тонкость чувств и глубина интеллекта. Его интересует многое и разное — кибернетика и астронавтика, древняя стенопись и негритянский джаз. А раз круг его духовных интересов так широк, значит, для удовлетворения его запросов надо, чтобы и артист обладал целым арсеналом средств — интеллектуальных, эмоциональных.

Для современного артиста нуж-

дущего: это человек, видящий далеко вперед, всесторонне образованный, многогранно любознательный, тонко чувствующий красоту, наделенный богатой интуицией, отличный знаток психологии человека.

Физика дала мне навыки логического анализа, необходимого, по моему, не только для выведения законов развития материи, но и для объяснения поступков людей. А научиться читать в душе героя чрезвычайно важно.

Самое главное и самое сложное в творчестве — докопаться до сути поведения героя, понять и объяснить, почему он стал таким, а не иным, показать социальную и моральную логику его характера. Это гораздо важнее, чем изображать просто результат процесса становления личности.

Почему мой Алеша («Униженные и оскорбленные») в Каунасском драматическом театре, где я работал несколько лет, становится безвольным, нравственно надломленным, слабым? Когда, кто и как подрезал ему крылья?

Почему проигрывает битву и гибнет мой Донатос? Где истоки его нерешительности, духовной вялости, пассивного всепрощения?

Почему становится преступником, «смоленским палачом», а потом прячется в мире им же созданных кошмаров от собственной совести сартовский затворник Франц?

Почему? Прежде чем я не доведу до конца выстроенную мной линию предположений и доказательств, я не смогу определить свое отношение к человеку, в которого перевоплощаюсь, не смогу стать его судьей. А ведь каждый артист, заставляя себя жить жизнью своего героя, пла-

«Кто же я такой? Кем должен стать?».

Я пришел к решению этих вопросов с опозданием по крайней мере на четыре года.

— В чем заключаются, на ваш взгляд, особенности современного актерского метода, стиля? Отличает что-то сегодняшнего артиста от его прославленных предшественников?

— Несомненно. Я думаю, что главное отличие современного советского артиста от всех его предшественников — ясность и последовательность позиции. Философская зрелость. Мне кажется, что в преподавании мировоззренческих дисциплин в вузах — и в художественных, и в технических — еще немало догматического, оторванного от научно-технического и художественного живого творчества. Можно ли вообще выработать мировоззрение в аудитории, дать человеку стойкое понимание мира. По моему, надо одновременно самому искать разгадки жизненных тайн, ответы на все «почему?». На студенческой скамье можно получить навыки философского мышления. В столкновении с практикой, в творческом опыте артист должен оттачивать идеи, выработать у себя способность к самостоятельному философскому мышлению.

Еще один признак современности, если говорить о стиле, — отказ от всякого «наигрыща», от «намыливания людям глаз», как говорят литовски. Перевоплощаясь и переживая все всерьез вместе со своим героем.

Я читал где-то, что в Соединенных Штатах Америки создаются специальные «школы чувств наоборот», то есть такие учебные заведения, в которых бизнесмены или их клер-

ков учат искусству скрывать свои чувства. Это там необходимо: вы дашь волнение по поводу лихорадки на бирже, и курс твоих акций падет! В обществе, где все построено на обмане, действительно надо уметь прятать свои чувства.

А зачем их прятать нам, одушевленным правдой больших идей, нам, в чьих помыслах и поступках все должно быть чисто и возвышенно!

Я — за открытость чувств, за публицистичность искусства, за страстность. Думается, что и в этом — черта нового артистизма.

Третье. Убежден, что театр будущего, основы которого мы закладываем теперь, это театр реалистический, строгий и даже аскетический по постановочным средствам. Режиссер в нем будет полностью доверять актеру, актер — зрителю. Не надо ни вычурных «новаций», ни выпяченных котурнов.

— А не считаете ли вы, что кино, телевидение «потеснят» театр, заставят его как-то существенно видоизмениться применительно к новой технике зрелищных коммуникаций?

— Театр вечен. Потребность в театре проявлялась еще в далекой древности. И люди никогда не откажутся от него. Никакой экран — ни малый, ни широкоформатный — не заменит людям радости живого общения с живым искусством сцены. В этом я убежден. Конечно, форма сценического действия будет видоизменяться в соответствии с изменением культурного уровня, эстетической подготовки, с усложнением духовного мира зрителя. Но эти изменения видятся мне в русле строжайшей простоты формы. Театр грядущего будет ближе к гениальности, чем был когда бы то ни было. А гениальность всегда проста.

— Над чем вы работаете, Регимантас? О чем мечтаете?

— Мы репетируем в театре «Миндаугаса» Ю. Марцинкявичюса. Это — поэма-драма. Мне поручена роль Миндаугаса — литовского князя, сделавшего многое для объединения Литвы. Эта философская драма написана белым стихом. Иногда в авторе поэт побеждает драматурга, и тогда законы театра перестают «работать» на него. Драма посвящена вечной проблеме: общество и личность. Я должен буду показать Миндаугаса, который приносил в жертву высокой цели интересы текущей жизни. Какковы побудительные силы его характера? Показать это — очень сложная и увлекательная задача.

Мечты? Раньше я мечтал смелее — Ричард III, князь Мышкин. Квазимодо... С годами, с опытом я научился взвешивать свои силы, осторожнее мечтать. Но ясно одно: какую бы роль мне ни поручили, я буду вести дальше свой упорный поиск в душе человеческой. Хочу сыграть современника, кем бы он ни был — ученым или рыбаком, шофером или сталеваком.

У музыканта есть инструмент, на котором он играет, у живописца — палитра с красками и холст на подрамнике. У артиста — сердце. Он играет на его струнах. Это тончайший инструмент, совершеннейший, хоть и очень хрупкий. Только тот режиссер сумеет сыграть великолепную симфонию, который бережет сердце артиста, относится к нему с пониманием и полным доверием, но и высекает, одновременно, из него искры чувства. Я счастлив, что работаю именно с таким режиссером — Генрикасом Ванцявичюсом, художественным руководителем Литовского академического театра драмы.

Мне повезло в жизни: моим учителем в физике был ученый с душой художника. Мой режиссер — художник с душой мыслителя.

Беседу вела
Ольга МАКАРОВА.

ВИЛЬНЮС.

ВИЛЬНЮС.

ВИЛЬНЮС.

ВИЛЬНЮС.

ВИЛЬНЮС.

ВИЛЬНЮС.

ВИЛЬНЮС.

ВИЛЬНЮС.